

RU

Басня В. А. Жуковского «Звезда и комета»: история текста и смыслы

Поташова К. А.

Аннотация. Целью исследования является выявление смысловой составляющей и художественной специфики образов небесных тел в стихотворении В. А. Жуковского «Звезда и комета». Статья посвящена сопоставлению басни Жуковского с немецким источником и рассмотрению движения поэтической мысли от черновика к окончательному варианту текста, определяются механизмы преобразования зримых картин вселенной в художественный образ, обладающий высоким эмоциональным воздействием. Научная новизна исследования состоит в уточнении фактической основы написания Жуковским басни «Звезда и комета», рассмотрении творческой истории стихотворения, трактовки его не только как вольного перевода поэтического этюда Теофиля Конрада Пфедфеля, но и как результата наложения на немецкий источник собственных опытных наблюдений за движением небесных тел, что расширяет представления об особенностях космической образности в эстетике русского романтизма. В результате исследования определен функциональный спектр образов небесных тел в стихотворении Жуковского «Звезда и комета», выявлено соотношение национального и универсального в этих образах. Посредством текстологического и культурно-исторического комментария прослежены механизмы поэтического воплощения модели космоса как фрагмента национальной картины мира, проанализированы рукописные материалы Жуковского в соотношении с интеллектуальными реалиями 1820-х годов.

EN

The fable “The Star and the Comet” by V. A. Zhukovsky:
The history of the text and meanings

Potashova K. A.

Abstract. The aim of the research is to identify the semantic component and artistic specificity of the images of celestial bodies in V. A. Zhukovsky’s poem “The Star and the Comet”. The paper is devoted to comparing Zhukovsky’s fable with a German source and considering the movement of poetic thought from the draft to the final version of the text; the mechanisms underlying the transformation of visible pictures of the universe into an artistic image with a high emotional impact are determined. The scientific novelty of the research consists in clarifying the factual basis of Zhukovsky’s writing of the fable “The Star and the Comet”, considering the creative history of the poem, interpreting it not only as a loose translation of the poetic study by Gottlieb Konrad Pfeffel, but also as a result of superimposing the author’s own experimental observations of the movement of celestial bodies on the German source, which expands the understanding of cosmic imagery features in the aesthetics of Russian Romanticism. As a result of the research, the functional spectrum of the images of celestial bodies in Zhukovsky’s poem “The Star and the Comet” has been determined, the ratio of the national to the universal in these images has been revealed. Through textual and cultural-historical commentary, the mechanisms of poetic embodiment of the cosmos model as a fragment of the national worldview are traced, Zhukovsky’s handwritten materials are analyzed in relation to the intellectual realities of the 1820s.

Введение

Мнение о том, что космос приобрел особое значение для человечества в XX веке, укоренилось в исследованиях по русскому космизму, в то же время обращение к художественной системе романтизма дает не менее примечательный материал, позволяющий судить о важных тенденциях в становлении представлений о мироздании и развитии художественной образности. Поэзия романтиков позволяет говорить, что значимые изменения в дихотомии «человек – космос» произошли на рубеже XVIII-XIX столетий. Именно на этот

период приходится утверждение эстетики ночного пейзажа, с присущими ему луной и звездами. Обращенность романтизма и, в частности, Жуковского, открывшего для романтического пейзажа красоту ночных светил, обусловлена не только романтической эстетикой, но его собственным знакомством с астрономией. Актуальность выбора настоящего вектора исследования определяется, во-первых, тем, что анализ смысловой наполненности образов небесных светил как результат осмысления взаимосвязи человека и космоса остается одной из неисчерпаемых областей познания, а во-вторых, развитием методологической базы интегрированного характера, предполагающей обращенность гуманитарного знания к опыту естественных наук, что способствует расширению представлений о художественном выражении космического пространства.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) определить функциональный спектр и семантическую многоплановость образов небесных тел в стихотворении В. А. Жуковского «Звезда и комета» с помощью историко-литературного, реального и текстологического комментария; 2) установить источники появления образов звезды и кометы в стихотворении Жуковского, рассмотреть в них соотношение национального и универсального; 3) проследить механизмы поэтического воплощения модели космоса как фрагмента национальной картины мира, отраженного в стихотворении В. А. Жуковского «Звезда и комета»; 4) проанализировать рукописные материалы В. А. Жуковского в соотношении с событиями из научной жизни 1820-х годов для изучения настроений эпохи и интереса к астрономии.

Материалом для исследования стала неперебеленная рукопись стихотворения В. А. Жуковского «Звезда и комета» (Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 286), хранящаяся в папке с рукописно-документальными материалами поэта за 1813-1852 гг., объединившими многочисленные беловые и черновые автографы, авторизованные копии и списки. Знакомство с историей публикации стихотворения показывает, что при жизни Жуковского оно не печаталось, впервые было включено в полное собрание сочинений поэта в начале XX века (Жуковский В. А. Полное собрание сочинений / под ред., с биографич. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб.: А. Ф. Маркс, 1902), затем под 1828 годом напечатано в 20-томном собрании произведений поэта (Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 1999-2020. Т. 1. Стихотворения 1797-1814 годов. Т. 2. Стихотворения 1815-1852 годов. Т. 11. Кн. 1. Проза 1810-1840-х годов. Т. 12. Эстетика и критика. Т. 13. Дневники. Письма-дневники 1804-1733 годов), однако в обоих изданиях в комментариях к публикации стихотворения отсутствуют описания графических знаков, данных в рукописи. Для сопоставления стихотворения Жуковского с немецким источником используется издание: Pfeffel G. C. Poetische Versuche. Tübingen, 1821; подстрочный перевод подготовлен с использованием словаря: Полный немецко-русский словарь / сост. Н. П. Макаров. СПб.: Изд. В. В. Шеерера, 1877. Также в качестве справочных материалов привлекались следующие источники: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86-ти т. СПб.: Семеновская типолитография, 1896. Т. XIX; Атабеков Н. А. Словарь-справочник иллюстратора научно-технической книги. М.: Книга, 1974.

Теоретическую базу статьи составляют труды литературных критиков и исследователей, разрабатывающих пути анализа романтических образов и мотивов в русской поэзии рубежа XVIII-XIX веков. Обращение литературоведов к стихотворению Жуковского «Звезда и комета» носит единичный характер. Здесь следует назвать довольно подробную статью Н. Б. Реморовой (1983) «Басни немецких авторов в переводах В. А. Жуковского», рассмотревшей данное стихотворение в контексте басенного творчества поэта и отметившей остросоциальное звучание этого перевода. Исследователем назван поэтический источник перевода – стихотворение из седьмой части сочинений немецкого поэта Теофиля Конрада Пфелля (1736-1809) «Der Komet und der Fixstern». Н. Б. Реморова рассматривает возможную биографическую основу «Звезды и кометы», указывает на «вполне конкретные обстоятельства жизни Жуковского», повлиявшие на написание произведения, к коим относит «резко обострившиеся разногласия с царем» (1983, с. 58), однако этот вопрос следует считать дискуссионным. В примечаниях к публикации «Звезды и кометы» в новом «Полном собрании сочинений и писем» Жуковского Н. Б. Реморовой указывается аналогичная информация о «переводе-переделке данной пфеллевской басни» (2000, с. 642). Иные обращения к стихотворению Жуковского «Звезда и комета» отсутствуют – не проводилось исследование графических зарисовок на полях рукописи, которые могут быть использованы для установления фактической основы стихотворения, басня Жуковского не рассматривалась в контексте формирующихся в это время астрономических знаний. Отсутствует и целостное исследование творческой истории стихотворения, которое могло бы показать поэтическое движение в передаче космической образности произведения от немецкого первоисточника к черновику и окончательному варианту.

Важное значение для понимания стихотворения имеет и литературная критика самого Жуковского, как, например, его статьи «О басне и баснях Крылова» (1809), «О критике» (1809), «Конспект по истории русской литературы» (1827), а также литературно-критический разбор Н. А. Полевого «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1831), в котором космическая образность отмечена как «лучшее творение» (Полевой, Полевой, 1990, с. 221) поэта, а также исследования А. Н. Веселовского (1918) «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» и В. И. Резанова (1906-1916) «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского». Хотя в этих работах не рассматривается стихотворение «Звезда и комета», но они задают основы для анализа басенного творчества поэта, в том числе с опорой на метод текстологического анализа. В качестве теоретической базы следует назвать и классические академические работы по анализу своеобразия романтической системы Жуковского и исследования более конкретного характера, связанные с космической образностью романтизма. В частности, к таковым относятся монографии В. Э. Вацура (1994), Ю. В. Манна (1976),

В. Н. Аношкиной-Касаткиной (2014), статьи Е. С. Шаталова (1988), А. С. Янушкевича (1995). Общая методологическая установка статьи базируется на познавательном-ценностном подходе, позволяющем раскрыть «творческое мышление автора» (Ценностные основы..., 2019, с. 5), а также на изложенных в статьях И. А. Киселевой основных принципах текстологического анализа, направленного на реконструкцию «творческого процесса создания цельного художественного образа» (Киселева, Поташова, 2020, с. 130). Конкретный методологический инструментарий исследования составляет культурно-исторический метод, способствующий рассмотрению стихотворения Жуковского в контексте сложившегося круга тем и настроений русских поэтов начала XIX века и событий, произошедших в культурно-научной жизни конца 1820-х годов; сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить космическую образность в немецком первоисточнике и поэтическом переложении Жуковского для выявления национального и универсального в переведенной басне; текстологический метод, направленный на рассмотрение творческой истории стихотворения, уточнение процесса становления семантики и механизмов создания образов небесных тел.

Практическая значимость статьи связана с привлечением в образовательную практику инновационных путей интерпретации поэтических произведений в междисциплинарном контексте, в том числе с использованием синтеза гуманитарного и естественно-научного знания, что способствует активизации познавательной деятельности обучающихся при изучении истории русской литературы XIX века.

Обсуждение и результаты

Рукопись стихотворения Жуковского «Звезда и комета», представляющего собой вольное переложение с немецкого языка аллегорической зарисовки Теофиля Конрада Пфедфеля “Der Komet und der Fixstern”, расположена на обороте листа 115 рукописно-документального собрания бумаг поэта за 1813-1852 гг., хранящегося в РНБ. Автограф содержит многочисленные графические знаки, тогда как прямые указания на время написания на листе отсутствуют. Датировка стихотворения 1828 годом была гипотетично предложена Н. Б. Реморой (1983, с. 58) на основании проведенных ею параллелей между расположенным на обороте того же листа стихотворением «Умирающий лебедь» и дневниковой записью Жуковского о жизни при дворе: «Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости» (2004, т. 13, с. 305). Через эту же ситуацию исследователь предлагает рассматривать и стихотворение «Звезда и комета». Однако для датировки басни Жуковского могут быть использованы и иные основания, связанные с научно-культурными событиями Петербурга конца 1820-х годов.

Стихотворение «Звезда и комета» привлекает внимание как своей космической образностью и сюжетом, рассказывающим о встрече кометы и звезды, так и оригинальным оформлением рукописи, содержащей множество графических зарисовок, которые могут быть интерпретированы как астрономические знаки и сокращения. Автограф стихотворения Жуковского содержит многочисленную правку уточняющего характера – зачеркивания, вставки, перечеркивание строфы, присутствует клякса во второй части. Далее приведем подготовленную на основе работы с рукописью (РНБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, л. 115 об.) дипломатическую транскрипцию автографа стихотворения (Рис. 1).

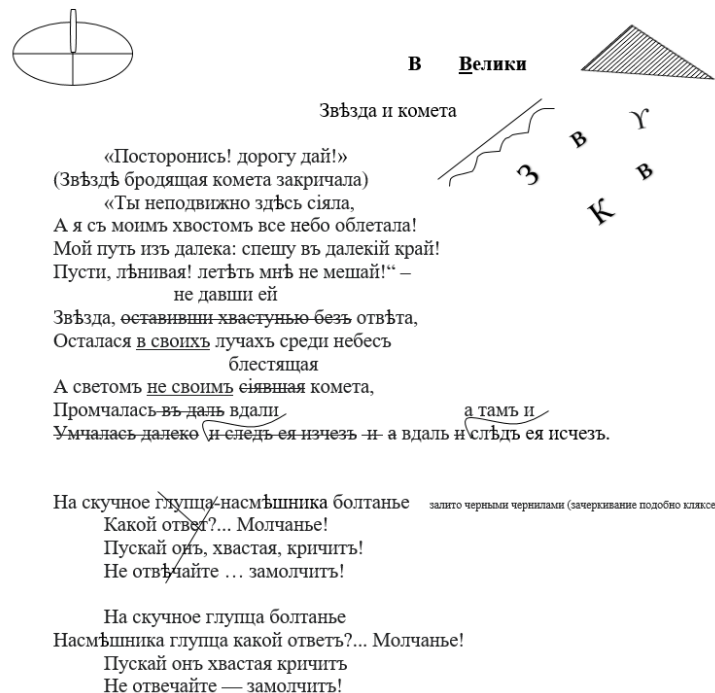

Рисунок 1. Дипломатическая транскрипция рукописи стихотворения В. А. Жуковского «Звезда и комета» (РНБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, л. 115 об.)

Стихотворение написано Жуковским на отдельном листе, ширина листа – 20 см, высота – 25 см. На листе имеются продольные линии загиба, представляющие собой след от сворачивания в четыре раза. На листе в правом верхнем углу много отдельно стоящих букв – «З», «В», «в», «К», «У», две линии, конусная спираль. В левом верхнем углу сделан небольшой чертеж, представляющий собой ровную окружность с пересекающимися линиями внутри, представляющими собой подобие системы координат, и конусообразной линией от центра вверх. В верхнем правом углу написано слово «Велики», первая прописная буква в слове подчеркнута. Буква «В» помимо заглавной в этом слове выводилась еще дважды – по центру и правее. Расшифровку этих многочисленных обозначений следует начинать с установления смысла чертежного рисунка. Чертеж может быть рассмотрен как графическое представление нулевого меридиана. Окружность – это плоскость земного шара, а продольные линии, пересекающиеся в центре окружности, – это «воображаемые линии на земной поверхности, происходящие от пересечения ее плоскостями, проходящими через ось вращения Земли» (Энциклопедический словарь..., 1896, с. 118). В таком случае рисунок представляет собой проекцию плоскости по меридианам, в которой прочерченные линии, т. е. «лучи, проведенные под равными углами из одной точки» (Атабеков, 1974, с. 72), и есть меридианы. Подобное изображение не является выдумкой Жуковского, а принято в естественно-научных исследованиях, а также при построении географических карт.

На вопрос о том, как и в связи с чем этот рисунок оказался в рукописи Жуковского, позволяет ответить следующий факт. В 1828 году в Петербургскую обсерваторию, находящуюся со времен ее основания Ж.-Н. Делилем в 1725 году на верхних этажах здания Кунсткамеры, был привезен специально изготовленный в немецкой мастерской Т.-Л. Эртеля в г. Мюнхене меридианный круг – особого вида телескоп, служащий для определения координат положения небесных светил. Меридианный телескоп установили по линии петербургского меридиана на мраморных опорах в восточном павильоне башни Кунсткамеры, где до открытия в 1839 году новой Пулковской обсерватории располагалась основная обсерватория Петербурга. Для работы с привезенным телескопом была настроена открывающаяся астрономическая щель. Подобный диковинный прибор имелся только в нескольких обсерваториях мира, что позволяло называть петербургскую обсерваторию солидной научной лабораторией, имеющей инструменты высокого совершенства. По привезенному меридианному телескопу сверялась точность петербургских часов, в зале проводились учебные занятия.

Сопоставление рисунка из рукописи Жуковского с внешним видом меридианного круга Т.-Л. Эртеля, сохранившегося в Кунсткамере до наших дней, объясняет перпендикулярно прочерченный от центра окружности конус, который, по всей вероятности, графически передает трубу телескопа, направленную в космическое пространство. Если считать, что на чертеже Жуковского условно изображен меридианный круг, то и остальные знаки, расположенные в правой верхней части листа, могут быть рассмотрены как условные обозначения из астрономии. От второй строчки стихотворения по диагонали к верхнему правому углу листа рукописи направлены две параллельно прочерченные линии – прямая и волнистая. Такие линии используются при изображении траектории движения Земли и Луны относительно Солнца. Прямая сплошная линия – это путь Луны в течение одного месяца, волнистая линия – это путь Луны, если наблюдать ее движение с Солнца. Находящаяся рядом с линиями конусная спираль может быть интерпретирована как изображение траектории пути небесного тела, графическое представление пространства, которое преодолевает комета. Различные буквы, четко выписанные по правую сторону от линий и треугольника, обозначают небесные тела и иные астрономические явления: «З» – звезда, «К» – комета, «У» – астрономическое явление весеннего равноденствия, «в» – широты (Перельман, 1966, с. 50-51). Слово «Велики», написанное над чертежами и знаками, может отражать впечатления поэта от увиденных картин вселенной. Для поэтического словаря Жуковского лексема «великий» и ее производные являются частыми, первичное значение для них в языке поэта – это 'превосходящий, выдающийся'. Таким определением с ярко выраженной визуально-эмоциональной коннотацией, еще более акцентированной в стоящих рядом глаголах или номинативах со значением зрения, поэт наделяет видимые картины, захватывающие дух своим масштабом, как, например: «Там всё является очам // Великолепие творенья!» (Жуковский, 1999, т. 1, с. 309); «Тот смело, с бодрой силой // На все великое летит» (Жуковский, 1999, т. 1, с. 238); «К земле ль наклонит взор – великий ряд чудес» (Жуковский, 2000, т. 2, с. 22); «...я зрел // Яснее великость творенья» (Жуковский, 1999, т. 1, с. 382). И в данном случае под великостью поэт подразумевает то увиденное явление, которое способно восхитить его, запись «Велики» выступает в контексте рукописи словом, обобщенно отражающим картину вселенной.

Исходя из представленных в рукописи астрономических условных обозначений, можно предположить, что Жуковский, испытывающий интерес к новым техническим приборам и даже включивший в программу для воспитания и образования наследника престола Александра Николаевича знакомство с новейшими техническими средствами («Волшебный фонарь. Фантазмагория. Косморама» (2016, т. 11, кн. 1, с. 110)), посетил в 1828 году Петербургскую обсерваторию в Кунсткамере, а затем по живым впечатлениям от технических приборов и, вероятно, увиденных посредством них картин вселенной создал основанное на ассоциациях поэтическое переложение стихотворения Теофила Конрада Пфелля «Der Komet und der Fixstern» из находящегося в близком доступе его домашней библиотеки издания «Poetische Versuche» (Pfeffel G. C. Poetische Versuche. Tübingen, 1802).

Жуковский значительно расширяет стихотворение не только за счет большей художественной обработки основной картины, предъявляя к ней требование украшения «всеми богатствами поэзии», но и путем добавления дидактической морали, которая «должна быть извлекаема из картины» (2012, т. 12, с. 200). Именно посредством использования двухчастной композиции поэт достигает мены жанра с пфеллевской поэтической зарисовки (poetische versuche – поэтические пробы) на басню, которую ценил за пробуждение «чувства

и воображения» (Жуковский, 2012, т. 12, с. 202). Как следует из рукописи, мораль претерпевала изменения – была перечеркнута и снова написана. Для переписанной заключительной части стихотворения характерно более размашистое написание, более светлый цвет орешковых чернил, это свидетельствует о том, что перо стало менее острым, чернила разбавлены. Это позволяет заключить, что вторая часть стихотворения, то есть расположенная на нижней половине листа мораль басни, написана позже зачеркнутого прежнего варианта.

В статье «О басне и баснях Крылова» (1809) Жуковский выдвигает ряд требований, которым должна отвечать басня для достижения большей достоверности, говоря о том, что «отвлеченная истина» способна оставить «только легкий и слишком скоро исчезающий след» (2012, т. 12, с. 203). Источником подлинного образца басенного произведения должно стать «подражание природе», тогда она будет «нравиться воображению своим подражанием» (Жуковский, 2012, т. 12, с. 202). Сюжетную часть басни должен составлять «фантастический мир из двух существенных: в одном из сих последних заимствует он характеры, свойства моральные и само действие, в другом – одни только лица» (Жуковский, 2012, т. 12, с. 204). Используя в качестве основы поэтическую зарисовку Пфедфеля и накладывая на нее собственные опытные наблюдения за движением небесных тел, Жуковский создает картину, способную «запечатлеть в уме нравственную истину, нравиться воображению и трогать чувство» (2012, т. 12, с. 203). Путь «русификации» (Резанов, 1906, вып. 1, с. 116) Жуковским немецкого сюжета позволяет проследить внимание к движению поэтической мысли от источника к окончательному варианту. Подстрочный перевод (выполнен автором статьи. – К. П.) стихотворения Теофиля Конрада Пфедфеля “Der Komet und der Fixstern” выглядит следующим образом (Табл. 1).

Таблица 1. Подстрочный перевод стихотворения Теофиля Конрада Пфедфеля “Der Komet und der Fixstern”

Текст на немецком языке приводится по изд. (Pfeffel, 1821)	Подстрочный перевод
Der Komet und der Fixstern	Комета и неподвижная звезда
Platz, Vetter, Platz! So rief auf seiner krummen Bahn	Прочь, брат, прочь! Так кричала на своем извилистом пути
Ein bärtiger Komet den Sirius einst an.	Одна бородатая комета, когда однажды столкнулась с Сириусом.
Der Fixstern schwieg und blieb auf seinem Posten stehen.	Неподвижная звезда промолчала и осталась на своем месте.
Der Vagabund schwieg auch und schnurrte links vorbei.	Бродяга тоже промолчал и облетел слева.
Ihm gleicht der freche Thor; verachte sein Geschrei	Он подобен дерзкому Тору; презирай его крик
Und stehe fest; er wird dir aus dem Wege gehen.	И стой твердо; он уйдет с твоего пути.

Если рассматривать стихотворение Жуковского как поэтический перевод Пфедфеля, то можно обнаружить сохранение всех основных сюжетобразующих элементов оригинала – остаются и само изображение космического пространства, и главные персонажи аллегорического повествования, и ситуация диалога между ними. В то же время изменения сделаны Жуковским уже в самом начале при переводе названия стихотворения. Мена в названии касается расстановки образов – на первое место Жуковский переставляет звезду, как бы акцентируя, что именно этот образ имеет в стихотворении положительную коннотацию, что согласуется с эстетической системой романтизма, трактующей звезду как воплощение «идеального мира» (Аношкина-Касаткина, 2014, с. 14). Далее по тексту стихотворения поэтом вносятся принципиальные для создания образов дополнения. Поэт не только адаптирует немецкие лексемы мужского рода “Komet” и “Fixstern” к русским аналогам женского рода – «комета» и «звезда», но и снимает качественный признак звезды. У Пфедфеля звезда «неподвижная», невозможность ее движения выражена в оригинале посредством прибавления к слову “Stern” качества – “fix”, которое в немецком языке имеет два противоположных значения – «проворный, легкий» и «твердый, неподвижный» (Полный немецко-русский словарь, 1877, с. 289). Акцентированные Пфедфелем в самом названии качества неподвижности и неизменности звезды Жуковский в название своей басни не выносит, в том числе в связи с отсутствием соответствующей негромоздкой конструкции в русском языке. Эту характеристику поэт сохраняет в самом тексте стихотворения («Ты неподвижно здѣсь сияла»), притом только в упрекающих словах кометы, произнесенных в адрес звезды.

В основе созданной Жуковским картины лежит ярко выраженное противопоставление образов звезды и кометы. Неподвижность первой подчеркивается через зарисовку поведения второй. Комета у Жуковского представлена намного ярче и более развернуто, нежели у Пфедфеля. В каждой характеристике кометы акцентировано присутствующее ей состояние активности, противоположное статальному состоянию звезды («здѣсь сияла»). Этот акцент замечен и в сохранившемся из немецкого источника порывистом возгласе кометы («Посторонись! дорогу дай!»), и в череде свершаемых ею действий («облетала» – «спешу» – «умчалась» – «промчалась»), и в очерченной траектории ее пути, значительность расстояния которого дважды повторена на контрасте по отношению к нахождению звезды «здѣсь» («Мой путь изъ далека: спешу въ далекий край!»), и в условной портретной детали, которая изменена в сравнении с пфедфелевским вариантом («бородатая комета» – в немецком источнике, «я съ моимъ хвостомъ» – у Жуковского) и выступает своеобразным помощником ее движения. Активным говорящим лицом и то выступает комета, тогда как звезда лишена даже намека на возможный ответ («Оставивши хвастунью безъ отвѣта»; «Какой ответ?.. Молчанье!»). В то же время действиям кометы сопутствует вполне конкретная единичная оценка, выраженная в ее характеристике – «бродящая комета». Жуковский поэтизирует использованное Пфедфелем слово “Vagabund” (бродяга), которым подчеркивает бесцельность и скитальчество кометы. Беспольность ее постоянных действий подчеркнута и результатом пути: «Промчалась вдаль а тамъ и слѣдъ ея исчезъ».

Не менее примечателен образ звезды. В немецком источнике звезда имеет конкретное имя – это Сириус, выбор Пфедфелем именно этой звезды не случаен, ибо Сириус – это самая яркая звезда на ночном небе, свет

от нее во много раз превосходит солнечный. Уже одним этим названием звезды немецкий поэт показывает ее превосходство над кометой. Из всех оптических характеристик небесных светил Пфедфель ограничивается только этим именованьем, подспудно имея в виду свечение звезды. Жуковскому оказывается недостаточным одного только имени звезды, чтобы создать эмоционально-воздействующий образ. При этом поэт отказывается от астрономической конкретики, не давая отсылок к звездной карте, и создает выдержанный в тональностях романтического ночного пейзажа образ светящихся небесных тел (звезды у Жуковского типично светящиеся: «И светит мне твоя звезда!» (1999, т. 1, с. 367); «И в небе с луною // Одна за другою // Звезда за-жигалась» (1999, т. 1, с. 315); «Светится издали радостно, ярко звезда» (2000, т. 2, с. 311); «Уже восточная звезда // Над холмами играет» (1999, т. 1, с. 243)). В то же самое время созданная Жуковским зарисовка небесных светил максимально точно передает визуальные наблюдения над космической картиной. И это обнаруживается при работе Жуковского над характеристикой света от кометы, поэт точно передает визуальные наблюдения за ней:

«Звѣзда, оставивши хвастунью безъ отвѣта,
Осталася в своихъ лучахъ среди небесъ
А светомъ не своимъ блестящая комета,
Промчалась...».

Организирующим стержнем этой картины оказывается оппозиция «свой – не свой», посредством которой поэт указывает на физические свойства кометы, фиксирующиеся при наблюдении за ней в телескоп. Комета не имеет своего собственного блеска, а передает в своем отражении звездное свечение, в связи с чем, чтобы дать оценку силе блеска кометы, астрономы наблюдают за ней в телескоп через свечение той звезды, рядом с которой комета ближе всего пролетает. Жуковский, владея точными знаниями из астрономии и, вероятно, имея личный опыт наблюдения за небесными телами, вносит эти уточняющие детали в свое стихотворение. Более того, в рукописи поэт графически подчеркивает (Рис. 1) построенную из собственных местоимений оппозицию, указывающую на принадлежность этого света звезде, тем самым ему удается акцентировать суть повествования – свет кометы только видимый, но не принадлежащий ей. Кроме того, в первоначальном варианте «светомъ не своимъ сиявшая комета» поэт меняет визуальный эффект свечения, комета у него в окончательном варианте «блестящая». Эта мена также обусловлена астрономическим явлением. Поэтически окрашенное «сияние» Жуковский изменяет на производное от слова «блеск», что отнюдь не случайно, так как применительно к небесным телам «блеск» используется как термин и является конкретной характеристикой яркости объекта. При сравнении немецкого источника с басней Жуковского становится очевидным, что поэт меняет смысловые акценты. Для Жуковского не столь важными оказываются неподвижность звезды и быстрота кометы, суть кроется в самой природе свечения небесных тел, блеск одного (кометы) через другой (звезду). Выстраивание зримо воспринимаемых образов, происходящее через обращение к конкретным астрономическим наблюдениям, позволяет поэту избежать «простого рассказа» в пользу точной и ясной картинки, «запечатлевшей в уме нравственную истину» (Жуковский, 2012, т. 12, с. 39).

Ситуативно такая аллегория, построенная на образах кометы и звезды, имеющих в эстетике романтизма «множество потенциальных значений и контекстуальных вариантов употребления» (Вацура, 1994, с. 67), может быть наложена на развернувшиеся в 1820-х годах споры о сути и предназначении литературной критики. Слишком категоричными представляются суждения Н. Б. Реморовой, указывающей на возможные отсылки через образ кометы к критику Ф. В. Булгарину и аргументирующей свою гипотезу дневниковыми записями поэта, относящимися к 1830 году (т. е. двумя годами позднее написания самого стихотворения), о литературных перебранках («меня чернят и чернят враги литературные» (Жуковский, 2004, т. 13, с. 312)). В то же время представляется возможным соотнести аллегорическое столкновение звезды и кометы с отношениями поэта и критика. Сам Жуковский не раз задавался вопросом, что является целью критики, отвечая на него в том числе через ситуацию диалога. Так, в своих ранних размышлениях «Два разговора о критике» (1809) поэт разыгрывает диалог между «молодым и очень довольным собою стихотворцем» и «скромным» немецким писателем Мозесом Мендельзоном (Жуковский, 2012, т. 12, с. 236), утверждая в их беседе главную идею, что истинный гений «мыслит сам, а не заставляет мыслить за себя других» (Жуковский, 2012, т. 12, с. 239), в то время как критик «не может ни изобретать, ни производить» (Жуковский, 2012, т. 12, с. 239). К самой же критике Жуковский предъявляет требование «благоразумия», и лишь только одаренный «чувством изящного» критик может показать в разбираемом произведении «красоту там, где она есть» (2012, т. 12, с. 249). В 1827 году, работая над «Конспектом по истории русской литературы», Жуковский вновь задается вопросом о «настоящем поэтическом таланте» (2012, т. 12, с. 346) и подражательной, хорошей и посредственной критике, характеризую деятельность поэтов и редакторов журналов. Как раз в этом контексте и может быть рассмотрена басня «Звезда и комета», в аллегорической форме поднимающая вопрос о гениальности и посредственности, насмешка над талантом и непонимании его, что обобщается в басенной морали.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Принимая во внимание характерную для художественного мира Жуковского «тонкую связь графического образа и словесного» (Поташова, 2021, с. 18), рисунки и условные обозначения, представленные на полях неперебеленной рукописи стихотворения Жуковского «Звезда и комета», являются вспомогательным материалом для определения смысловой наполненности образов. Обращение к рукописи показывает, что для создания яркой образности басни поэт

не только руководствовался немецким источником, но и опирался на собственные знания из астрономии, а также личные впечатления от научно-культурных событий конца 1820-х годов, связанных с пополнением петербургской обсерватории новыми техническими приборами. Положенные в основу басни собственные опытные наблюдения за движением небесных тел стали тем эмоциональным импульсом, который помог поэту наполнить аллегорическую зарисовку Пфедфеля глубокими смыслами и ценностным звучанием. Путем оттачивания каждой фразы, поэтической отработки образов звезды и кометы от черновика к окончательному варианту Жуковский создает в своей басне такую картину, которая согласуется с выработанными им самим требованиями к этому жанру. Наполняя в сравнении с немецким источником образы небесных тел дополнительными коннотациями, согласующимися с эстетическими установками первой трети XIX века, Жуковский трансформирует первоначальные аллегорические смыслы в символические, актуализирующие романтические представления о поэтическом гении. В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать выявление и систематическое описание образов небесных светил в поэзии Жуковского.

Источники | References

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014.
2. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994.
3. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг.: Научное дело, 1918.
4. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1.
5. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976.
6. Перельман Я. И. Занимательная астрономия. М.: Наука, 1966.
7. Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика: статьи, рецензии 1825-1842. Л.: Художественная литература, 1990.
8. Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: Флинта, 2021.
9. Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского: в 2-х вып. СПб.: Сенатская типография, 1906-1916. Вып. 1-2.
10. Реморова Н. Б. Басни немецких авторов в переводах В. А. Жуковского (вновь открытые автографы в библиотеке и архиве поэта) // Проблемы метода и жанра: сб. статей. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1983. Вып. 10.
11. Реморова Н. Б. Примечания к текстам стихотворений // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. Стихотворения 1815-1852 годов.
12. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: коллективная монография / отв. ред. и сост. И. А. Киселева. М.: Московский государственный областной университет, 2019.
13. Шаталов Е. С. Характерология элегий и баллад Жуковского (к вопросу о единстве художественного мира поэта) // Жуковский и литература конца XVIII – XIX века: сб. статей. М.: Наука, 1988.
14. Янушкевич А. С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы: сборник. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 1995.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01016.

EN The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01016.

Информация об авторах | Author information

RU Поташова Ксения Алексеевна¹, к. филол. н., доц.
¹ Государственный университет просвещения, г. Москва

EN Potashova Ksenia Alekseevna¹, PhD
¹ State University of Education, Moscow

¹ kseniaslovo@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2023; опубликовано online (published online): 27.11.2023.

Ключевые слова (keywords): В. А. Жуковский; романтизм; художественный образ; поэтика; онтология; V. A. Zhukovsky; Romanticism; artistic image; poetics; ontology.